

Выявление противоречий мировой финансовой системы и траектории экономического роста. Часть 2

Дарья Динец

Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия

Информация о статье

Поступила в редакцию:

11.11.2020

Принята

к опубликованию:

03.03.2021

УДК 336.647/.648

JEL G17

Ключевые слова:

финансовый капитал, экономический рост, экономико-финансовые модели, фиктивный капитал

Keywords:

financial capital, economic growth, economic and financial models, fictitious capital

Аннотация

Представленная серия статей является результатом научного поиска автора в части определения объяснительной силы взаимного влияния финансовой дестабилизации мирового хозяйства и потери драйверов экономического роста. В результате рассмотрения множества моделей роста, учитывающих и не учитывающих финансовые аспекты хозяйства, выявлено, что многие из моделей для обеспечения математической элегантности игнорируют объективные условия достижения экономического роста и развития. С другой стороны, выявлено, что государства, рынки и компании теряют субъектность в вопросах обеспечения экономического роста в результате нарастания финансовых противоречий глобальной экономики. На стыке выявленного субъектно-объектного диссонанса и строится настоящее исследование.

Global Financial System Influence in Economy Growth Direction. Part 2

Darya Dinets

Abstract

The paper's series is a result of author's science research in a field of define force in bilateral influence of global financial disability and economic growth drivers. As a result of growth models considering, it was revealed a disappearing of growth and development objective conditions for the mathematical elegance achieve, no matter if there were financial parameters in the models. Besides, it was revealed the governments, markets and companies have lost their subjectivity in growth achievement because of financial contradictions of the global economy. The research is based on contradiction of objective and subjective parameters of global growth and financial destruction. The first part is devoted to dissonance identify in growth models and its impossibility to provide and simulate of sustainability growth economy on the current conditions. An object of this research is the United States as a center of the global financial system. The second part is devoted to the globalization, financialization and informatization negative influence insights on global growth provide estimate. The particular attention was paid the "platforms capitalism" role on growth

financialization process driving by the fictive capital. The research conclusions may be useful for the growth models actualization and for the economic and financial policies choose of the different economy subjects. The main trend of retrospective analysis is the financial and platform capitalism had spawned a lot of companies-leaders. For now, these companies on the first time on global history do not allow another market subject to achieve an economy growth. If nothing changes the global economy should choose between these companies or the capitalism at whole.

В первой части одноименной работы было показано, что современные условия функционирования и та внешняя среда, которую создает процесс финансиализации и поддерживающие его институты противоречат самой возможности достижения цели устойчивого экономического роста. Процесс финансиализации достиг колоссальных масштабов, от него невозможно изолироваться, он приводит к фиктивизации финансового капитала и экономического роста, и может быть чреват серьезными социально-экономическими потрясениями глобального масштаба. Полагаем, даже искусственная неопределенность на выборах президента США уже после завершения голосования и подсчета голосов отчасти подтверждает эту гипотезу: в мире нестабильных финансов для сглаживания волнений необходимо время и фоновые события, иначе накопленные противоречия могут вылиться в серьезные общественные противостояния. Полагаем, что такой фон обусловлен отчасти экспансией финансового капитала.

Вторая часть предлагаемой читателям работы преследует основную цель – выявление причинно-следственных связей финансиализации и подмены экономического роста ростом финансовой доходности (в терминологии Т. Пикетти). Для этого будет использована воспроизводственная логика анализа экономических отношений с целью развития методологии анализа и управления экономическим ростом и выявления точек бифуркации в имеющихся траекториях.

Финансовая модель воспроизводства капитала транснациональной корпорации (не считаем возможным называть такой капитал индивидуальным, поскольку сегодня корпорации способны практически на равных конкурировать с государствами) схожа с моделью воспроизводства общественного капитала. В модели экономического роста с активным правительством предполагается, что государство субсидирует инвестиции фирм для того, чтобы частные доходности приближались к общественным, в модели экономического роста ТНК также полагаем наличие субсидий, направленных на то, чтобы доходность для материнской компании была выше, чем частные доходности входящих в нее бизнесов. Источником подобных субсидий можем считать некое подобие инфляционного налога для государства – назовем его гедоническим инфляционным налогом корпораций. Он возникает по той причине, что инновационность товара (реальная или псевдо-) позволяет существенно увеличивать цену на него вне связи с экономически обоснованными (общественно необходимыми) издержками на его производство. Доходность корпорации выше доходности входящих в него бизнесов за счет разницы в стоимости капитала.

Такой финансовый механизм несет конфликт в распределении возможных положительных эффектов масштаба производства. В книге Р. Барро на основе эмпирических данных о темпах экономического роста в странах за последние 50–70 лет отрицается наличие эффекта масштаба с точки зрения экономического роста. Полагаем, что это обусловлено изменением цепочек добавленной стоимости: положительный эффект масштаба возникает в деятельности ТНК, объединяющих бизнесы в единой финансово-промышленной вертикали. Разрыв цепочек добавленной стоимости ведет к узкой передельной специализации, которая мешает диффузии инноваций, необходимых для поддержания экономического роста. Что касается цепочек распространения знаний об эффективных способах

производства, то такая передача ограничивается узкими функциональными отраслями, не позволяя достигать устойчивых темпов роста. Это обусловлено тем, что агрегированные ресурсы ТНК распределяются крайне непропорционально и вне соответствия с цепочками добавленной стоимости: если оценивать средние, а не агрегированные данные, то уровень нововведений, приходящихся на единицу рабочей силы в странах центра мировой финансово-экономической системы, сильно превышает тот же уровень на периферии (стадия сборки), тогда как фактически стоимость создается только производственным процессом. Получаем, что финансовая модель корпорации противоречит идее распространения знаний и достижению экономического роста за счет этого процесса.

Отношения между центром и периферией мировой финансовой системы сегодня таковы, что под залог уже накопленных США капитальных мощностей и имеющегося потенциала трудовых ресурсов и инновационного сектора страна заимствует колоссальные финансовые ресурсы. На момент написания этих строк совокупный долг США составил 80,298 трлн. долл. При ВВП 20,019 трлн. долл. То есть, каждый доллар, потраченный на американские товары и услуги без учета промежуточного потребления (оставим здесь дискуссию о методологии оценки ВВП), заработан за счет заимствования 4 долларов, причем, речь не о чистых доходах, а о валовых. Сегодня стимулирование ИТ означает финансирование этого долга однако не для того, чтобы поспособствовать развитию уровня технологий, а для дальнейшего наращивания так называемого «коэффициента пирамидальности» – роста заимствований для финансирования предыдущих заимствований – и это цена низких процентных ставок по отношению к темпам прироста инноваций в промышленной сфере.

Заимствование под залог приведенной стоимости будущих выгод от развития псевдоинновационных отраслей не оставляет мировой финансовой системе шансов на формирование финансовых ресурсов, необходимых для обеспечения экономического роста в условиях падения эффективности уходящего технологического уклада и с учетом стагнации, усугубленной пандемией.

Модели экономического роста для открытых экономик предполагают, что в экономиках с относительно меньшим уровнем потребления активно возрастает способность инвестировать в другие экономические системы, тем самым, делая их глобальными дебиторами. Однако фактическая ситуация с отрицательными внутренними инвестициями в центре мировой финансовой системы не становится свидетельством роста воспроизводственной мощности во всех остальных странах. Напротив, для более развитых стран ситуация приводит к росту глобальной балансовой зависимости и вынужденному финансированию пирамиды глобальных финансов, для развивающихся же стран, например, России, Китая и Индии это означает, во-первых, что приведенные реальные доходы большей части населения начинают использоваться как залоговое обеспечение кредитов, полученных западными ТНК, а, во-вторых, что ресурсы, так необходимые для инвестирования в научно-технический прогресс, фактически уходят в основание глобальной финансовой пирамиды. Ситуация может усугубляться, если внутри таких стран возникают попытки строительства собственных пирамид, например, за счет безадресного снижения процентных ставок по кредитам, что имело место в начале реализации карантинных мер в России.

Итак, дебитором глобальной финансовой пирамиды быть невыгодно, независимо от способа кредитования – будь то реальные финансовые потоки в нее, либо взнос в виде закупки устаревающего оборудования или технологий или трудовых доходов, направляемых на приобретение продукции псевдоинновационных отраслей, что, цитируя Р. Барро, «эквивалентно тому, что траектории

внутренних расходов на потребление и инвестиции очень сильно отклоняются со временем от траектории внутреннего производства».

В контексте засилья матметодов в экономике, особенно в теориях экономического роста и теории финансовых рынков, небезынтересно отметить, что те свойства различных моделей, которые отсекаются авторами как не выдерживающие проверку эмпирическими данными и требованиями к качеству математических моделей, кроются те сложности, с которыми фактически сталкиваются экономико-финансовые системы и на преодоление которых должна быть направлена экономическая наука. Однако ни одна из существующих моделей не способна объяснить отклонения подобного рода.

Немаловажным фактором экономического роста в связи с открытостью экономических и финансовых систем является доля государства в этих системах. В работе Р. Барро с использованием математического аппарата показано, что государственные расходы на производство неконкурентных общественных благ за счет единых для всех налогов создают положительный эффект масштаба в экономике и ведут к экономическому росту. Полагаем, что приоритет финансовых целей над целями долгосрочного роста способен изменить способы влияния государства на экономический рост. Со времен начала глобального финансового кризиса многие государства осуществляли вливания ликвидности в банковские системы с целью недопущения их краха. Меры помощи были не только неконкурентными по своей природе, но, напротив, поддерживали «системно значимых» игроков, слишком больших, чтобы обанкротиться, создавая для них некий запас финансово-политической ренты. Итогом таких мер стало практически полное отсутствие роста в странах, их реализующих, начиная с периода острого кризиса и до сих пор. Государство инвестировало в рост конкурентности в финансовом секторе, причем в рост конкурентности глобальной, тем самым разрушив на долгие годы вперед еще один источник синергии.

Влияние усиливающейся глобальной финансовой нестабильности, неуправляемости и хрупкости финансовой системы на динамику роста часто связывают с глобальными переходами в экономике: новым технологическим укладом, окончанием цикла Элиота, возникновением сингулярности из-за чрезмерного ускорения научно-технического прогресса и другими явлениями, свойственными периоду, предшествующему новой промышленной (информационной?) революции.

Обратимся к последней категории. В издании Джейкоба Филда «Есть ли будущее у капитализма» приведены характерные особенности периода, предшествовавшего зарождению современного капитализма и его научно-промышленной основы: во-первых, сочетание распределения стоимости между ресурсами в стране – технологическом лидере своего времени было таково, что заменять трудоемкие технологии материалоемкими представлялось чрезвычайно выгодным: рабочая сила в Британии была относительно дорогой, а уголь – относительно дешевым. Во-вторых, трудовые ресурсы, высвобождаемые из сельского хозяйства в результате механизации, были востребованы в мануфактурном производстве и могли применяться с намного большей производительностью труда в натуральных измерителях, а не только в стоимостных. В-третьих, что немаловажно, государственные и общественные институты были нацелены на снижение привлекательности ренториентированного поведения.

Полагаем очевидным, что в настоящее время перечисленные условия не выполняются, поскольку трудоемкие технологии заменяются международным аутсорсингом, материалоемкие технологии удешевляются девальвацией, высвобождение рабочей силы в результате роста автоматизации не приводит к росту

производительности, поскольку высвобожденные работники чаще всего не в состоянии найти производительное применение имеющимся навыкам, а государственные институты чрезмерно увлеклись идеей управления ликвидностью финансового сектора, а также контролем не поддающихся оценке рисков названного сектора.

Есть и альтернативная позиция, нобелевский лауреат П. Кругман в качестве условий смены технологического лидера приводит следующее:

1) различие в заработных платах между страной-лидером и потенциальным новым лидером должно быть сильным;

2) новая технология первоначально должна казаться опытным производителям непроизводительной по сравнению со старой;

3) опыт в старой технологии не должен быть применим при использовании новой технологии;

4) новая технология должна обеспечивать возможность существенного улучшения производительности труда по сравнению со старой.

Полагаем, что фактически ситуация, хотя и кажется обусловленной требованиями достижения роста, не может возникнуть без существенных изменений в самой логике экономической системы. Конкуренция за снижение издержек идет по пути «бережливости производства», максимального перевода всех возможных процессов, не позволяющих присваивать ренту, на аутсорсинг, что в целом только формально увеличивает производительность труда за счет механического снижения числа занятых в данной системе, а фактически влечет за собой перераспределение финансового капитала.

Возникает закономерный вопрос, каким окажется выход из сложившейся ситуации, приведет ли она к принципиально новым открытиям, свойственным именно данному этапу социально-экономического развития, либо рост замедлится настолько, что экономика надолго окажется в глубокой депрессии. На эти вопросы нет однозначного ответа. Например, в работе А. В. Коротаяева «Сингулярность XXI века в контексте Большой истории: математический анализ» приводится глубокий анализ вех мировой истории, характеризующих скорость и сложность происходящих в ней изменений в процессе социально-экономической эволюции человечества. В работе обосновывается математический аппарат, прогнозирующий время до точки сингулярности на основе анализа изменения частоты трансформаций в экономике и роста глобальной сложности. На основании применения различных методик и сопоставления взглядов различных ученых, исследующих данный процесс, автором обоснован вывод: «имеются большие основания интерпретировать эту точку [период между 2029 и 2054 гг.] как индикатор зоны перегиба, после прохождения которой темпы глобальной эволюции будут систематически в долгосрочной перспективе замедляться» [Коротаяев]. То есть, можно перефразировать, что сложившаяся ситуация не содержит причин взрывообразного роста в сфере научно-технического прогресса, но и не приведет к полной остановке экономического роста и падению мировой экономики в депрессию. В связи с этим выводом возникает два вопроса: во-первых, насколько сопоставимы по масштабу воздействия сегодняшние открытия и социально-экономические потрясения с происходящими на более ранних стадиях развития человечества, а, во-вторых, какова роль финансового сектора в данном процессе. Связь финансового сектора с уровнем глобальной сложности экономики, на наш взгляд, определенно существует, и, в зависимости от движущей силы в данной паре изменяются и возможности достижения высоких темпов экономического роста.

Существует и совсем фатальная версия развития событий: если исходить из того, что вся мировая динамика определяется циклом Элиота, заданным

последовательностью Фибоначчи, то на данном этапе развития во всех сферах жизни общества ожидается спад и депрессия, поскольку в данной точке сошлись на понижительной фазе как долгосрочные, так и локальные краткосрочные фазы большой циклической динамики. Следует сказать, что происходящие в масштабах истории события современности эту теорию не спешат опровергнуть.

Однако вернемся к вопросам экономического роста в контексте финансовализации и геоэкономики сегодняшней глобальной финансово-экономической политики. Полагаем, что сегодня система международной торговли и международного разделения труда находится в подчинении у финансового капитала и препятствуют самой возможности сбалансированного экономического роста во всех странах, активно вовлеченных в сложившиеся цепочки добавленной стоимости.

Если рассмотреть структуру торговых потоков США – лидера мировой финансовой системы, то можно отметить, что высокотехнологичный международный аутсорсинг не применяется в отраслях тяжелой промышленности, самолетостроении и других стратегических отраслях, тогда как в IT-секторе, торговле, логистике и прочих признанных лидерах внешнеэкономической деятельности ключевых игроков финансовой системы схемы переноса производств в другие юрисдикции работают весьма отлаженном режиме. Полагаем, что тому есть три причины.

1. В цифровом секторе больше возможностей поставить на баланс нематериальные активы. То есть, рыночная стоимость бизнеса в сфере информационных технологий сильно зависит от затрат на НИОКР, которые капитализируются на балансы компаний, создавая предпосылки для роста рыночной капитализации. В самолетостроении аутсорсинг капитальных мощностей может привести к потере стоимости бизнеса.

2. Сырье для IT-сектора – полупроводники – это серьезная экспортная статья США, перевод производств в другие страны автоматически влечет рост международной торговли полупроводниками. Сырье для тяжелой промышленности странам-сборщикам дешевле и логичнее закупать на Евразийском континенте, либо в Океании.

3. Проведем очень безусловный эксперимент: сравним цены одного килограмма «Боинга» и одного килограмма «Айфона». Боинг при весе 86070 кг стоит 163,54 млн. долл., Айфон при цене около 1000 долларов весит 194 грамма. Получаем, что килограмм «Боинга» обойдется покупателю в 1,9 тыс. долл., а килограмм «Айфона» - 5,154 тыс. долл. Следовательно, приходим к тому, что доля материалов, приходящихся на 1 доллар ВВП в самолетостроении по самым грубым расчетам в 2,713 раза выше, чем та же доля для сборки смартфонов. С точки зрения цепочек добавленной стоимости это означает, что размещение сборки продукции тяжелого машиностроения за рубежом приведет к сужению банковских оборотов, обслуживающих производственный процесс, минимум в 2 раза. Почему так происходит? Ответ очевиден: если выплачивается зарплата, то она может быть выведена из банковской системы, если работник тратит ее в наличной форме. При оплате сырья и материалов используются только банковские безналичные расчеты, то есть, если «Боинги» будут производиться в других странах, то материалоемкое производство будет обслуживаться в их банковских системах, куда и уйдет соответствующая ликвидность.

Кроме того, развитие сферы услуг сегодня осуществляется не столько в рамках парадигмы так называемой постиндустриальной экономики, но, в большей степени за счет искусственного преобразования индустриальной сферы в сферу услуг. Если продолжить наш условный пример с «Боингами» (да и любой сферой производства тяжелой техники, в том числе, автомобилей), то сегодня их

производство не так выгодно экономически, как послепродажное обслуживание. А это означает, что передача производства в другие страны приведет и к потере монополии на сервисное обслуживание, то есть, потерю исключительных прав на присвоение высоких прибылей в сфере технологичных услуг. Такая тенденция соответствует схеме рентного капитализма – ситуации, когда не относительная эффективность определяет направления ресурсов и денежных потоков, а возможность присвоения ренты за счет более высокого положения – нахождения в стране с более развитой финансовой системой, что автоматически влечет расположение в этой стране (группе стран) вершук технологических цепей производства и концентрации денежных потоков. В итоге не эффективностью и производительностью определяется возможность присвоения более высоких прибылей, а изначальным доступом к источникам рентного дохода (дохода, не зависящего от труда и реального капитала, а только от изначально более привилегированного положения в глобальной экономике).

Сфера услуг в контексте присвоения ренты более удобна, так как страны – лидеры мировой финансовой системы не способны конкурировать по уровню издержек в материальном производстве, а навязанная идеология показательного потребления услуг позволяет избежать этой конкурентной борьбы и сражаться на «другом поле» с более эффективными производителями, лишенными преимуществ в присвоении ренты.

Идеология подкрепляется ангажированной статистикой, утверждающей, что более высокому уровню развития соответствует большая доля услуг в ВВП. Источники заблуждений кроются в следующем:

- производство многих товаров, особенно конечного потребления, выведено в другие страны и поступает в центр в качестве импорта. При этом материнские компании зарубежных производственных «дочек» по-прежнему находятся в странах центра финансовой системы, что затрудняет корректные экономические расчеты в соответствии с требованиями составления консолидированной отчетности по международным стандартам,

- требования к бережливости производственного процесса приводят к выводу части его элементов в сторонние фирмы с последующим приобретением услуг таких фирм. То есть, то, что ранее учитывалось в стоимости произведенных продуктов, сейчас автоматически становится услугами без фактического изменения технологии,

- автоматизация производственных процессов позволяет сокращать стоимость продукта, притом, что в услугах автоматизация менее применима для сокращения издержек, в результате относительные цены изменяют стоимостное выражение объема производства услуг в большую сторону при фактической неизменности объемных показателей,

- фирмы-рентоискатели для получения более высокого статуса и приближения к источникам распределения ренты, часто сосредотачивают усилия маркетинга на сфере сервиса и постпродажного обслуживания, либо меняют модели продвижения своих товаров от продажи все больше к аренде, получают от этих сфер более высокие доходы, что по правилам статистики позволяет им переклассифицироваться в фирмы, оказывающие услуги.

В итоге рост доли услуг автоматически стимулирует еще больший рост сферы услуг, что приводит к снижению статуса промышленных секторов и депрофессионализации потенциально высокопроизводительных кадров. Это подводит нас к выводу о негативных последствиях смены принципов промышленного капитализма к принципам рентного или платформенного капитализма: если в классической схеме приоритет с точки зрения источников роста отдавался

синергетическому эффекту от массового вовлечения в трудовой процесс и коллективного труда, то сейчас реализуется модель «шеринговой» экономики – экономики совместного потребления (см., например, «Ведомости»: «На основании этой модели возникло множество бизнесов: поиск машин с водителем (Uber и Lyft), кратковременная аренда автомобилей (каршеринг), совместное использование автотранспорта (карпулинг), совместное финансирование проектов (краудфандинг), кратковременная аренда квартир для деловых поездок и путешествий (Airbnb), совместная аренда офисов (коворкинг), продажа ставших ненужными вещей, наем фрилансеров на проекты и многое другое» [<https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/02/13/822568-pochemu-shering-ekonomika>]).

Полагаем, что итогом и исходом подобной смены моделей в глобальном смысле уже стал рост финансовых показателей ряда отраслей за счет сокращения экономического роста в целом. К примеру, не секрет, что компании – мировые технологические лидеры, широко использующие различные платформы в продвижении своих брендов, имеют самые высокие по мировым меркам запасы наличности, сопоставимые по размерам с международными резервами некоторых стран, в офшорах. Получаем, что компании, неоднократно на различных уровнях, от ток-шоу, до правительственных программ, названные проводниками в мир новой постиндустриальной экономики непрекращающегося роста, фактически развиваются за счет сокращения темпов роста глобальной экономики и выводят из финансово-промышленного оборота так необходимые развитию денежные средства. Действительно, Т. Пикетти отмечает, что с началом засилья информационной экономики, в отличие от периода глобального экономического роста, рентабельность опережает темы роста, что однозначно говорит о перераспределительном, то есть, рентном характере экономических отношений в ядре системы. Такая ситуация стала оборотной стороной финансиализации и фиктивизации роста.

Еще одним побочным эффектом модели «рентно-платформенной модели финансового капитализма современности» становится колоссальный объем распределяемой в форме дивидендов или выкупа акций прибыли ведущих корпораций. Поскольку сейчас многие инвесторы в акции преследуют строго спекулятивные цели, не рассчитывая на долгосрочный рост компании, для поддержания статуса-кво, то есть, для сохранения и увеличения капитализации необходимо, чтобы эти инвесторы массово не распродавали принадлежащие им пакеты акций. А для этого необходимо выплачивать высокие дивиденды, что предъявляет требования к размеру прибыли компаний. Это становится еще одним рычагом вывода денежных средств и сферы производства на финансовый рынок, ускоряет финансовый оборот, за счет чего возникают финансовые пузыри, которые схлопываются в тот момент, когда дефицит денежных средств в соответствующей отрасли становится критичным.

Повторим, что такая модель означает паразитирование на экономическом росте всей глобальной экономики в пользу «гениев платформенного капитализма», зарабатывающим главным образом на рекламе, создаваемой из данных, собранных (не всегда законно) о пользователях. Действительно, почти 90 % доходов Google получено от рекламы, создаваемой на основе предпочтений пользователей этой крупнейшей платформы, и бесплатно предоставляемой названными пользователями просто за счет использования сервисов Google. Не вдаваясь в подробности относительно морально-этической стороны вопроса, отметим, что реклама как продукт с высокой добавленной стоимостью нацелена на перераспределение прибыли, а не на создание ее в материальном производстве. Иными словами, прибыль зарабатывается в неких отраслях и передается в качестве оплаты

рекламных услуг. Если при этом учесть, что с помощью сервисов Google рекламируются зачастую другие платформы, которые используют ту же самую модель, то фактически процесс изъятия добавленной стоимости может многократно повторяться, выводя все большие объемы наличности в сферу финтех: конкуренция платформ за долю на рынке ведет к необходимости снижения издержек в производственном секторе для оплаты дорогостоящих услуг платформ и продвижения в навязанном ими рекламном пространстве, что ведет к дальнейшему усугублению процесса деиндустриализации и создает непреодолимые барьеры на пути экономического роста.

Пропаганда коллективного потребления взамен коллективного труда приводит к тому, что базовые принципы классического капитализма, например, избитое «клиент всегда прав» перестают работать как инструмент продвижения товаров на рынке. В итоге, полагаем, у глобальной экономики два возможным варианта развития событий: либо перестанет существовать сам капитализм, либо те компании, которые сейчас кажутся лидерами его развития.

Список источников / References

1. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. Москва, БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017. 824 с. [Barro R. Dzh. Ekonomicheskii rost / R. Dzh. Barro, Kh. Sala-i-Martin ; per. s angl. Moscow, BINOM Publ., Laboratoriya znaniy, 2017. 824 s.]
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2016, ISBN 978-5-91103-271-5. – 592 с. [Piketti T. Kapital v XXI veke. – Moscow, Ad Marginem Press, 2016, ISBN 978-5-91103-271-5. – 592 s.]
3. Филд Д. Есть ли будущее у капитализма. Введение в XXI век. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2019. – 144 с. [Fild D. Est' li budushchee u kapitalizma. Vvedenie v XXI vek. Moscow, Ad Marginem Press, 2019. – 144 s.]
4. Пилясов А.Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей. Известия РАН. Серия: География, 2011, №4, сс. 7–17. [Pilyasov A.N. Novaya ekonomicheskaya geografiya: predposylki, idejnye osnovy i primenimost' modelej [Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей]. Izvestiya RAN. Seriya: Geografiya, 2011, №4, ss. 7–17.]
5. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
6. Акаев А.А. От эпохи великой дивергенции к эпохе великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. Москва, ЛЕНАРД, 2015. 352 с. [Акаев А.А. Ot epohi velikoj divergencii k epohe velikoj konvergencii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie dolgosrochnogo tekhnologicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya mirovoj dinamiki [От эпохи великой дивергенции к эпохе великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики]. Moscow, LENARD Publ., 2015. 352 p.]
7. Коротаев А. Сингулярность XXI века в контексте Большой истории: математический анализ. Journal of big history, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 1–62. [Korotaev A. Singulyarnost' XXI veka v kontekste Bol'shoi istorii : matematicheskii analiz]. Journal of big history, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 1–62.]
8. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики», 2-е изд. Москва, Изд. Дом ВШЭ, 2020. 128 с. [Srnichek N. Kapitalizm platform / per. s angl. i nauch. red. M. Kobryakov; Nats. Issled. Un-t «Vysshaya shkola ekonomiki» - 2-e izd. Moscow, Izd. Dom VShE, 2020. 128 p.]
9. Мау В.А. Возможности и предпосылки обеспечения устойчивого экономического роста России. Central Russian Journal of Social Sciences, 2017 vol. 12, issue 3, pp. 14–18. [Mau V.A. VOZMOZH NOSTI I PREDPOSYLKI OBESPECHENIYA

- USTOICHIVOGO EKONOMICHESKOGO ROSTA ROSSII. Central Russian Journal of Social Sciences, 2017, vol. 12, issue 3, pp. 14–18.]
10. Фишман Л.Г., Март'янов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва, Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с. [Fishman L.G., Mart'yanov V.S., Davydov D.A. Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii. Moscow, Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 416 p.]
11. Чхан Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм. Москва, АСТ, 2014. 320 с. [Chkhan Kha Dzhun 23 tainy: to, chto vam ne rasskazhut pro kapitalizm. Moscow, AST Publ., 2014. 320 p.]

Сведения об авторах / About authors

Динец Дарья Александровна, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления на железнодорожном транспорте, Иркутский государственный университет путей сообщения. 664074 Россия, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, каб. Л-310. *E-mail: dinets_d_a@mail.ru*
Darya A. Dinets, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Railway Transport Economics and Management, Irkutsk State Transport University. Office L-310, 15 Chernyshevsky str., Irkutsk, Russia 664074. *E-mail: dinets_d_a@mail.ru*